

Воцзыцзи Шодэ

Год подходил к концу. Договорившись встретиться с друзьями на десятый день первого лунного месяца, Чу Цы распрощался с ними, и каждый отправился своей дорогой.

Первым делом Чу Цы заглянул в книжную лавку «Ханьмо». Он отдал Лавочнику Лу готовые шаблоны иллюстраций для повести и обсудил печать своего сборника задач. Забрав причитающееся вознаграждение, он направился домой.

В прошлый раз он купил столько всего, что позже, узнав истинные цены, семья пришла в ужас — оказалось, Чу Цы переплатил за каждую вещь по несколько медяков. После этого случая его торжественно лишили права распоряжаться покупками. Впрочем, на календаре было уже двадцать седьмое число месяца лаюэ, и все припасы к празднику в доме давно были готовы.

Наступили дни, полные суеты. Чу Цы впервые в жизни чувствовал этот неповторимый дух праздника. Всё было ему в новинку: и большая уборка, и наклеивание парных надписей с узорами на окна, и поедание свежепожаренных тефтелей вместе с Сяо Юанем.

В его прежней жизни Новый год проходил иначе: семья просто заказывала столик в ресторане, а после ужина начинались разговоры. Постепенно беседа неизбежно сворачивала в научное русло и превращалась в жаркий диспут.

«Пожалуй, они предпочли бы видеть рядом своих студентов, — иногда думал Чу Цы. — Те хотя бы могли записывать их мысли и без труда поддерживать разговор на равных»

На самом деле, в старшей школе Чу Цы хорошо давались и точные науки, и он выбрал гуманитарный профиль лишь в надежде найти больше общих тем с родителями. Темы не нашлись, зато в процессе учебы он по-настоящему полюбил литературу.

И вот теперь вся его нынешняя семья сидела вместе, глядя на кружащиеся за окном снежинки. Они попивали вино, травили байки и строили планы на будущее. И это было прекрасно.

После праздника пришла пора визитов к друзьям и родственникам. Семья Чу была невелика: на второй день приехала Тётушка Чу с мужем и детьми. Чу Цы снова пришлось выслушивать бесконечные разглагольствования Дяди Чу. Тот, как обычно, нёс околесицу, не забывая ежеминутно хвастаться тем, скольких «важных людей» он знает.

Родные привыкли к этому. И сам Чу Цы, и его двоюродные братья с сестрами пропускали эти речи мимо ушей, явно утомленные пустой болтовней. Гостей приняли радушно, накормили досыта и вежливо проводили.

На третий день вся семья отправилась к братьям матушки Чу. Две тётушки накрыли богатый стол: пусть яства были простыми, но вкусными необычайно.

Четвертого числа Чу Гуан вместе с Шэнь Сюнян и Сяо Юанем уехали к семье Шэнь, где собирались пробыть несколько дней. Чу Цы полагалось бы нанести визит Учителю Циню, но тот каждый год уезжал на праздники к семье жены в столицу области. Наставник заранее велел Чу Цы приходить в уездное училище уже после праздников.

Так в доме остались только мать и сын.

У Матушки Чу было полно подруг среди деревенских старушек. Пользуясь случаем, она кочевала из дома в дом, совершенно позабыв о сыне.

Чу Цы и сам был бы рад пообщаться с деревенской молодежью, но, перерыв все воспоминания прежнего владельца тела, так и не нашел ни одного близкого друга в деревне. Пришлось оставить эту затею. К счастью, к ним в деревню приехал Цинь Чжао, и в последующие дни Чу Цы всюду следовал за ним, пропадая в горах.

Зимой зверье становится медлительным. Проохотившись несколько дней, Чу Цы ухитрился собственноручно добыть дикого кролика. В тот же вечер добыча была съедена всей семьей.

Незаметно пролетело время, и настал десятый день месяца.

Попрощавшись с родными, Чу Цы сел в присланную за ним повозку и вернулся к Чжанам.

Чжан Вэньхай и Фан Цзиньян встретили его с радостью. Друзья обменялись поклонами и долго обсуждали праздничные новости. Едва они вошли в кабинет, как Вэньхай хотел было продолжить беседу, но Чу Цы пресек его порыв:

— Брат Кочжи, Брат Чжугуан, давайте-ка ваши задания. Мы не виделись десять дней, и я уверен, что вы времени зря не теряли.

Улыбка на лице Чжан Вэньхая застыла. Он невольно глянул на Фан Цзиньяна и, увидев, что тот уже достает листы, лишь горестно вздохнул. Ему ничего не оставалось, как подойти к своему столу за стопкой исписанной бумаги.

Чу Цы взял работу Фан Цзиньяна. Перелистывая страницу за страницей, он довольно улыбался:

— Брат Чжугуан, ты и впрямь был усерден. Работы выполнены превосходно. Вот только здесь, — он указал пальцем, — нужно быть осторожнее. Используй другое слово, чтобы избежать табу.

В древности при написании сочинений строго следовало правилу «Избегать имен из уважения к старшим, родным и мудрым». Ошибка в именах императорской семьи могла стоить в лучшем случае звания, а в худшем — головы.

Нынешнего императора звали Юй Цзяо. Фан Цзиньян же в своем тексте неосторожно вывел: «Сияет чистотой, подобно лунному свету», используя тот самый иероглиф «Цзяо». Видимо, увлекшись слогом, он позабыл об осторожности.

Фан Цзиньян побледнел.

— Благодарю за совет, Брат Чу! Чуть не совершил непоправимое. Какая оплошность!

— Ничего страшного. Просто нужно твердо заучить имена всех государей нашей династии.

Проверив работу Фан Цзиньяна, Чу Цы дал ему новую тему для размышлений и принялся за листы Чжан Вэньхая.

Пока он читал, его пальцы невольно выбивали дробь по столу. Сердце Вэньхая колотилось в такт этому стуку.

Дочитав до конца, Чу Цы одарил друга мягкой, лучезарной улыбкой.

— Брат Кочжи, твои стихи о сливе и снеге весьма недурны. Особенно эта строка: «Весенний ветер не поймет тоску снежинок». В ней чувствуется некая... нежность. Похоже, в твоей жизни намечаются радостные перемены?

Чжан Вэньхай неловко рассмеялся. Ему недавно исполнилось двадцать, и родители уже начали подыскивать ему невесту. «Старое дерево зацвело», и он в самом деле пребывал в несколько мечтательном настроении.

— Однако, — голос Чу Цы стал серьезнее, — что значат эти цитаты? Не соизволит ли Брат Кочжи пояснить их смысл?

Чу Цы обвел кистью несколько мест. Там стояли ссылки на древние предания, которые, как он подозревал, на девяносто процентов были выдумкой самого Вэньхая. Ни в одной книге Чу Цы подобного не встречал.

Это напомнило ему студентов из прошлой жизни. Те тоже обожали начинать сочинения с цитат великих людей, и порой в их работах всплывали мудрецы вроде «Воцзыцзи Шодэ» — «Я сам это сказал». Иногда им даже удавалось обмануть преподавателей, что вызывало лишь горький смех.

Чжан Вэньхай замялся, не зная, что ответить. В праздники дом был полон гостей. Каждый раз, когда он собирался взяться за учебу, его кто-нибудь отвлекал. Приходилось писать наспех, не утруждая себя поиском источников.

Например, фраза: «Некогда господин Мэн возлежал на ложе, как вдруг предстал пред ним лобастый тигр с белыми отметинами над глазами» — и вовсе была сценой из его собственного сна...

— Что ж, — произнес Чу Цы. — Брату Чжугуану на сегодня хватит и одного сочинения. А тебе, Кочжи, полагается написать три. Согласен?

Вэньхай с облегчением закивал, но, когда принял из рук Чу Цы листы, чуть не взвыл от отчаяния.

Сплошные гэле-ти и цзеда-ти! Причем фразы в вопросах были разорваны самым безжалостным образом. Он ясно видел, что Фан Цзиньяну досталась одна общая тема, основанная на целом отрывке.

Похоже, Брат Чу не собирался его прощать. Увы...

Закончив проверку, Чу Цы принялся за собственные труды. Учитель Цинь велел ему писать по одному стихотворению в день, и он ни разу не нарушил приказа.

Поначалу он просто подбирал рифмы, громоздя слова друг на друга. Стихи выглядели складно, но были полны напускнуго пафоса и лишены смысла.

Однако со временем к нему пришло вдохновение. Порой случайная строка, родившаяся сама собой, казалась ему всё более глубокой при каждом прочтении. В один из самых удачных дней он написал сразу три стихотворения о народных обычаях — простых на вид, но наполненных внутренним смыслом.

Сегодняшние стихи были навеяны недавними событиями: он писал о сорванцах, что вечно спорят с учителем, пытаясь увильнуть от уроков. Прообразами героев, конечно же, стали Сяо Юань и Чжан Вэньхай.

Дни тянулись своим чередом. На пятнадцатый день первого месяца, в Праздник фонарей, Чу Цы привез всю свою семью в городок, чтобы они могли полюбоваться огнями.

Он вежливо отклонил приглашение Чжан Вэньхая и снял три комнаты в гостинице, чтобы семья могла побыть вместе.

На следующее утро, проводив родных, Чу Цы возвращался в поместье Чжан. У ворот он столкнулся с Ху-цзы, помощником из книжной лавки.

— Сюцай Чу, наконец-то вы вернулись! — воскликнул парень. — Хозяин ищет вас по важному делу. Пойдемте скорее! — И он уже потянул его за собой.

— Что за спешка? — удивился Чу Цы. С чего бы такая суета? Неужели кому-то снова понадобились иллюстрации?

— Придете — сами увидите! Это большая удача!

Предчувствуя нечто важное, Чу Цы ускорил шаг и вслед за Ху-цзы вошел в лавку «Ханьмо».

— Сюцай Чу, прошу на второй этаж.

Поднявшись, Чу Цы увидел, что комната полна народу. Кроме Лавочника Лу, все лица были ему незнакомы.

— Сюцай Чу, вы как раз вовремя, — заговорил Лу Фэн. — Позвольте представить: это Писарь Чжан из канцелярии Секретаря; это Управляющий Хуан и Управляющий Ци из уездных книжных мастерских, а этот господин — Господин Сюй, который в прошлый раз приобрел ваши рисунки.

Чу Цы втайне нахмурился.

«Что им всем от него нужно? — размышлял он. — Писарь Чжан — если сравнивать с чиновниками из моего прошлого мира — был кем-то вроде начальника аппарата. С чего бы такому человеку приходить в крошечную лавку? А Хуан и Ци — фигуры уровня директоров крупных издательств. Мастерские обычно сами пороги у них обивают, а тут они явились вместе»

«Страннее всего ведет себя этот господин Сюй: он не сводит с меня пристального, исполненного тайного смысла взгляда»

Впрочем, раздумья заняли лишь мгновение. Присутствующие увидели лишь учтвого ученого, который после представления тут же отвесил поклоны и поприветствовал всех. Его манеры были полны достоинства и спокойствия — сразу видно человека, способного составить подобный сборник задач.

— Поистине, герои познаются в юности, — заговорил Писарь Чжан. — Уездный начальник, ознакомившись с твоим сборником, пришел в неописуемый восторг. Он сказал, что только человек великого таланта мог составить такие вопросы. Ведомый любопытством, я позволил себе явиться без приглашения. Надеюсь, ты не в обиде?

— Господин Писарь слишком добр ко мне. Я лишь собрал воедино мудрость предшественников, это вовсе не заслуга великого таланта.

— Ха-ха, ты слишком скромн. Сановник, изучив сборник, представил его Батюшке-чиновнику. А ведь наш глава уезда — выпускник тридцать восьмого года эры Цзяю в звании тунцзиньши! Если уж он говорит, что книга хороша, значит, так оно и есть. Собственно, я здесь, чтобы обсудить с тобой одно дело.

— Прошу вас, господин Писарь, я весь во внимании.

— Батюшка-чиновник всегда радел о судьбах учеников нашего уезда. Глядя на всю область Ганьчжоу, мы видим, как процветают таланты в других краях: число сюцаев и цзюйжэней растет год от года. И только в нашем уезде Юаньшань число сдавших экзамен неуклонно падает. Всякий раз, думая об этом, наш начальник тайно проливает слезы, сетуя на свою неспособность управлять уездом, из-за которой таланты гибнут в неизвестности.

Писарь Чжан горестно вздохнул. Остальные тоже скорбно понурили головы, словно разделяя печаль уездного начальника. Чу Цы поспешил принять подобающий сокрушенный вид. Ему очень хотелось пригласить сюда современных мастеров лести, чтобы те посмотрели, как работают настоящие «прожженные дельцы».

— Но на днях нашему Батюшке-чиновнику попался твой сборник. Сердце его наполнилось утешением. Он сказал, что если в уезде будет больше таких людей, как ты, то процветание Юаньшаня — лишь вопрос времени. Нужно лишь распространить это пособие по всему уезду, и ученики будут несказанно счастливы. Несомненно, в этом году число новых сюцаев возрастет.

Лицо Писаря Чжана так и лучилось светом. Остальные тоже расцвели, подобно радуге после дождя. Подобному мастерству перевоплощения можно было только позавидовать.

Теперь Чу Цы всё понял. Господин уездный начальник положил глаз на его сборник и хочет издать его во всем уезде. И, скорее всего, желает прибрать к рукам славу составителя.

Ведь если ученики, занимаясь по этой книге, сумеют сдать экзамены, их благодарность будет безгранична. И если, открыв книгу, они увидят имя уездного начальника в списке главных редакторов, то преданность его подданных станет нерушимой.

Чу Цы быстро взвесил всё в уме. Это дело сулило ему одни выгоды. Пусть его имя будет в списке вторым или третьим — глава уезда никогда не посмеет полностью стереть его заслуги. К тому же, если за дело берется сам начальник, доходы от издания потекут рекой.

Чу Цы принял серьезный вид:

— Для меня великая честь — иметь возможность послужить Батюшке-чиновнику. Пусть он распоряжается сборником по своему усмотрению, я не смею возражать.

Его слова означали: «Забирайте всё себе, я буду держать язык за зубами и никому ничего не

выдам».

Писарь Чжан и остальные обменялись понимающими улыбками. С таким сговорчивым человеком дела вести одно удовольствие.

— Я слышал, ты назвал свой труд «Цихай» — «Море слов»?

— О, это была лишь минутная прихоть, я выбрал первое попавшееся название. Будет лучше, если Батюшка-чиновник сам наречет книгу.

— Хм, я передам это пожелание. Что ж, время близится к обеду. Может быть, я угощу всех вас местными деликатесами городка Пинъань?

Лавочник Лу тут же вмешался:

— Ну что вы, как можно позволить вам тратиться? Если высокие гости не побрезгуют, я уже велел накрыть стол в павильоне «Пьянящий аромат». Прошу вас оказать мне честь.

— Ха-ха-ха! Лавочник Лу, вы слишком гостеприимны. Что ж, мы с благодарностью принимаем приглашение.

Толпа направилась к ресторану. У самого входа их уже поджидал один из служителей управы.

— Здравия вам, господа. Наш Глава городка уже ожидает внутри.

Поднявшись на второй этаж, они и впрямь увидели главу городка Чэнь. Едва завидев Писаря Чжана, Глава городка воскликнул:

— Почтенный Чжан, вы так редко балуете нас визитами! Почему не велели предупредить заранее? Я едва не опоздал поприветствовать дорогого гостя!

— Ха-ха, Лао Чэнь, ты слишком церемонишься. Я не хотел поднимать шуму, вот и не сказал никому. Но у вас, видать, слух слишком острый — ничего не утаишь! Намедни мы обедали с Ван Цзюэ, и он поминал тебя добрым словом. Сказал, что Батюшка-чиновник хвалил твое мудрое управление, мол, в городке таланты стали рождаться.

Чэнь Чжоу, будучи главой города, мог бы и не быть столь подобострастным. Но Писарь Чжан был тестем помощника уездного начальника Вана — по сути, родственником самого важного человека в иерархии уезда после самого начальника. Как тут не проявить почтение?

— Неужто Батюшка-чиновник в самом деле вспоминал обо мне? — Глава городка выглядел

несказанно польщенным. — Весьма признателен за заботу, право же, недостоин... А о каком таланте шла речь?

— Вот, о нем. О сюцае Чу.

<http://bllate.org/book/15354/1423028>